

Чэн Ци перечитал запись несколько раз, прежде чем поверил собственным глазам. Он даже зашёл в профиль Лу Аньжання — ошибки быть не могло, это действительно был его аккаунт.

Убедившись, Чэн Ци со смешанным чувством заблокировал экран и вернулся к ленте. Поздно. Тот самый пост — о симпатии к парням с рельефным прессом — уже бесследно исчез.

Чэн Ци подошёл к кровати напротив и постучал по плотно задёрнутой занавеске.

— Лу Аньжань, вылезай, — процедил он, чеканя каждое слово.

Если и дальше спускать ему всё с рук, этот кошак окончательно обнаглеет и сядет на шею.

Из-за шторы донёлся сонный, нарочито невнятный голос:

— Что-то случилось? Я уже сплю.

Для пущей убедительности он ещё и громко зевнул.

Чэн Ци лишь молча закатил глаза.

— Кончай притворяться, — ровным тоном бросил он. — Я слышал, как ты ржал.

Ржал так, что занавеска ходуном ходила. Чистейшая наглость.

За шторкой мгновенно воцарилась гробовая тишина — Лу Аньжань зажал рот ладонями, стараясь не выдать себя ни единым звуком. Тот пост в ленте он настроил так, чтобы его видел один-единственный человек. Едва убедившись, что Чэн Ци попался на удочку, Аньжань тут же удалил запись, не оставив сопернику ни шанса сделать скриншот и растоптать его репутацию. Нет улик — нет дела.

Чэн Ци снова настойчиво постучал по ткани, на этот раз ощутимо сильнее.

Спустя минуту Лу Аньжань недовольно подал голос:

— Я безумно устал. Не приставай.

Но на этом дело не закончилось. Сквозь щёлку занавески просунулся тонкий бледный палец. Он ловко подцепил бегунок изнутри и с громким щелчком запер замок наглухо.

Чэн Ци стиснул зубы. С трудом подавив желание сорвать эту чёртову занавеску и проучить

мелкого паршивца, он достал телефон и быстро набрал сообщение.

[Сообщение]

[Отправитель: Гомофобный натурал]

[Текст: Лу Аньжань, очень надеюсь, что тебе действительно нравится то, о чём ты написал]

Лу Аньжань прекрасно понял намёк. Речь шла о прессе.

Если честно, вживую он трогал только кубики Чэн Ци. И надо признать, на ощупь они были очень даже ничего.

Разумеется, вслух он этого никогда не признает. Чэн Ци сейчас взвинчен до предела — тронь, и рванёт так, что мало не покажется.

Решив проигнорировать сообщение, Аньжань поглубже зарылся в одеяло и мгновенно заснул.

Утро встретило Лу Аньжана абсолютной бодростью. Если не считать той досадной ночи, когда Чэн Ци застукал его за поеданием клубничного торта, в последние недели он спал на удивление крепко.

Сегодня у всех четверых первая пара начиналась в восемь утра, так что комната постепенно оживала. Закончив умываться, Аньжань вышел из ванной и нос к носу столкнулся с Чэн Ци.

Лу Аньжань приветливо захлопал ресницами и — невиданная щедрость! — первым нарушил молчание:

— Доброе утро!

Чэн Ци прошёл мимо, даже не взглянув на него.

На губах Аньжана заиграла довольная улыбка. Всё-таки лучшая защита — это нападение!

После обеда Лу Аньжана ждала лабораторная по зоологии — их группа исследовала когнитивные способности животных. Для этого требовалось собрать простенький лабиринт. Не решившись доверить столь важную деталь одnogруппникам, Аньжань вызвался сделать его сам. На сборку ушло три часа кропотливой работы, и вот готовая конструкция наконец прибыла в учебную лабораторию.

В классе царило нетипичное для научных будней оживление. Студенты обступили один из столов, увлечённо перешёптываясь.

— Боже, не верится, что в этот раз мы работаем с хомяками! Какие они лапочки! — восторженно щебетала одnogруппница Аньжания.

— Да уж, слава богу, хоть сегодня обойдёмся без препарирования лягушек и раков!

Сердце Лу Аньжания дрогнуло. Он мельком глянул в сторону толпы, но из-за чужих спин разглядеть хотя бы пушистый бок пугливого зверька было решительно невозможно. «Да и ладно, не очень-то и хотелось», — подумал он, возвращаясь к заполнению лабораторного журнала.

Вдруг до его слуха донеслось тихое, едва различимое шуршание. Аньжань поднял голову и замер. Прямо перед ним, глядя в упор парой блестящих чёрных бусинок, сидел крошечный хомяк.

Человек и грызун оцепенели, изучая друг друга.

Хомяк повёл розовым носом и сделал робкий шаг вперёд. Но стоило крошечной лапке наступить на край чистого бланка, как чья-то рука бесцеремонно подхватила зверька за шкурку.

— Ой, Аньжань, прости ради бога! Я знаю, что ты терпеть не можешь всю эту живность, сейчас уберу.

Одnogруппница бережно опустила пушистый комочек в пластиковый контейнер. Оказавшись внутри, хомяк тут же приподнялся на задних лапках и, ухватившись передними за бортик, принялся с любопытством оглядываться.

Лу Аньжань поджал губы и молча уткнулся в бумагу. Он медленно, черта за чертой выводил иероглифы, а сам краешком глаза следил за пленником. Заметив этот скрытый интерес, хомячок забавно склонил голову набок и смешно потёр крошечными лапками свой влажный нос.

Лицо Лу Аньжания сделалось ещё более отрешённым и холодным.

«Господи, почему все наши лабораторные материалы не могут быть такими? Какой же он милый... Просто чудо пушистое! Чистый плюш».

Кончики пальцев предательски зазудели от желания погладить мягкую шёрстку, но Аньжань вовремя взял себя в руки. Вокруг толпился народ, а портить выстроенный образ нельзя.

Суть опыта была элементарной: запустить испытуемого в лабиринт, положить на финише лакомство и зафиксировать время прохождения. Лу Аньжань осмотрелся — их подопечный выгодно отличался от вялых собратьев на соседних столах энергичностью. Очевидно, девчонки выбирали грызуна с особым пристрастием.

Однако реальность жестоко разбила все надежды. С началом теста их пушистый чемпион начал плутать в коридорах и напрочь отказался искать выход. Пять попыток — и все мимо. Из чистого упрямства Аньжань снова водрузил хомяка на старт и даже пошёл на жульничество, разложив на поворотах кедровые орешки для запаха. Но зверёк, едва коснувшись пола, просто завалился на бок и замер, вытянув лапки.

Лу Аньжань опешил.

Заметив его помрачневший вид, одnogруппники тут же принялись его утешать:

— Да не переживай ты так, староста! Главное в этой лабораторной — сам процесс фиксации показателей, а не то, доберётся ли этот глупыш до финиша.

— Точно-точно, на оценку это никак не повлияет.

— Наверное, я слишком усложнил схему лабиринта, — негромко отозвался Лу Аньжань.

— Да брось! — в один голос запротестовали девчонки. — Твоя работа — шедевр! У остальных жалкие картонки, а у нас настоящий замок.

Несмотря на поддержку, после занятий Лу Аньжань уходил из корпуса не в духе. Последней каплей стал оживший чат общежития.

[Чат: Комната 302]

[И Фан: Чэн Ци, колись, ты что, тайно зубрил по ночам?! Сам же орал, что идёшь сдавать без подготовки! Какого хрена у тебя такие баллы?!]

[Чжао Шибо: Тайная зубрёжка — это низко и подло]

[Гомофобный натурал: Слышали когда-нибудь слово «талант»?]

«Выпендрёжник чёртov», — мысленно съязвил Аньжань.

Он засунул телефон в карман и поднял глаза. Наперерез ему из-за дерева бодрой походкой выходил мужчина средних лет в белоснежном медицинском халате. На его лице сияла

приветливая улыбка, а рука уже вовсю призывно махала в воздухе.

Чёрт. Похоже, сегодня точно не его день.

Лу Аньжань инстинктивно попытался дать дёру, но за спиной раздался звонкий окрик одноклассника:

— Аньжань, стой! Ты лабиринт забыл!

Эта секундная заминка решила всё. Уйти от преследования не удалось.

Пока они шли к кабинету психологического консультирования, мужчина неодобрительно поглядывал на понурого студента.

— Сколько раз я тебе писал? — сокрушённо вздохнул он. — Мне что, караулить тебя у дверей учебных аудиторий каждую неделю?

Лу Аньжань, крепко прижимая к себе увесистую деревянную коробку, кротко опустил голову:

— Простите, учитель Хань. Такого больше не повторится.

Хань Цзюнь лишь покачал головой. Уж он-то знал повадки своего подопечного: каяться тот умел виртуозно и мгновенно, но стоило отпустить — и всё возвращалось на круги своя. Упрямый как осёл.

— Заходи, — психолог распахнул дверь кабинета.

Лу Аньжань аккуратно пристроил свой лабиринт у ножки стула и огляделся. За год здесь ничего не изменилось: те же мягкие песочные тона в интерьере, привычная мебель. Разве что горшочки с суккулентами на подоконнике обновились. «Предыдущие, должно быть, благополучно засохли», — мельком подумал юноша.

На первом курсе из-за необходимости постоянно держать марку «идеального холодного отличника» Лу Аньжань чувствовал себя запертым в глухой клетке. Внутреннее напряжение росло, и даже любимые плюшевые игрушки перестали приносить облегчение. Прослышав о наличии в штате университета штатного психолога, он решился на тайный визит.

Тогда его попросили заполнить вводный тест, результаты которого выявили явные признаки депрессивного расстройства. Перепугавшись до полусмерти, Аньжань спешно сослался на внезапную резь в животе и сбежал.

Однако у доктора остались все его контакты. С тех пор Хань Цзюнь регулярно присылал ему ненавязчивые сообщения, справляясь о самочувствии. Лу Аньжань из вежливости послушно отвечал на каждое, но любые попытки пригласить его на личную консультацию упорно саботировал под благовидными предложениями.

При всей доброжелательности учителя Ханя, Аньжаню глубоко не нравился его взгляд — сочувствующий, пронизательный, словно видящий его насквозь. Потратив столько сил на безупречную маскировку, Лу Аньжань органически не выносил уязвимости.

Впрочем, внешне он оставался абсолютно невозмутимым. Спокойно заполнив очередной опросник, он откинулся на спинку стула и, пока доктор изучал ответы, невозмутимо открыл на телефоне приложение для заучивания английских слов.

Хань Цзюнь отложил листок, и Аньжань тут же убрал гаджет в карман, приняв безупречную позу.

— Твои ответы практически один в один совпадают с тестом студента, которому я на прошлой неделе диагностировал умеренную депрессию.

Если говорить начистоту, клиническая картина Аньжана выглядела куда тревожнее. Он ухитрился завалить все контрольные вопросы-ловушки, что явно указывало на отчаянное стремление скрыть истинное положение дел.

Лу Аньжань на секунду задумался, а затем с самым серьёзным видом уточнил:

— Может, дело в том, что вопросы у нас тоже были одинаковыми?

Строгая мина психолога мгновенно растаяла, и он негромко рассмеялся:

— Ну и шельма же ты...

Внешне Лу Аньжань казался образцом благополучия: привлекательный, блестяще образованный, сдержанный и тактичный. Даже в стенах элитарного Университета А он выделялся как один из самых перспективных студентов. И именно поэтому Хань Цзюню не хотелось, чтобы этот талантливый парень окончательно загнал себя в тупик.

— Как твоё самочувствие в последнее время? — доктор сделал несколько пометок на полях, сознательно уходя от медицинских терминов. — Заметил какие-то перемены? Произошло что-то хорошее?

Первой реакцией Аньжана было привычное «всё как обычно», но слова застряли в горле.

Действительно, что-то изменилось.

И Фан стал общаться с ним куда проще и теплее. Стоило тому вернуться в комнату, как он тут же принимался жаловаться на зверские тренировки Чэн Ци или без лишних церемоний вываливал на стол сладости, настойчиво предлагая угощаться. Сам Аньжань поймал себя на том, что проводит в библиотеке гораздо меньше времени. Теперь он торопился в общежитие, чтобы успеть к возвращению соседей. Ему хотелось быть частью этой шумной, бестолковой, но такой живой компании.

И кроме того...

Был ещё Чэн Ци.

Не дождавшись ответа, Хань Цзюнь не стал настаивать:

— Постарайся зацепиться за это ощущение. При депрессивных состояниях откаты назад переносятся гораздо тяжелее.

Лу Аньжань сжал и разжал лежащие на коленях пальцы, тихонько угукнув в ответ.

— Тебе жизненно необходимо сбрасывать напряжение. Нельзя постоянно держать себя в ежовых рукавицах учёбы. Выкрой время, съезди куда-нибудь один. В месте, где тебя никто не знает, дышится гораздо легче.

Рекомендация была разумной, но для Аньжана — абсолютно невыполнимой. Он поднял взгляд:

— У меня нет времени на отдых, доктор. Моя цель — рекомендация в магистратуру.

В Университете А конкурс на бюджетные места был сумасшедшим, а требования — драконовскими. Половина второго курса осталась позади, и у него, лишённого связей, оставался единственный козырь — академическая успеваемость. Он не считал себя гением. Он не мог, подобно Чэн Ци, завалиться на экзамен без подготовки и получить высший балл. Ему приходилось брать упрямством: сутками пропадать в читальном зале и глушить кофе литрами, чтобы заставить мозг работать. В баскетбольном клубе его в шутку звали Ботаником Лу, но правда была сурова — его средний балл балансировал на грани, и любой сильный соперник мог легко сместить его с пьедестала. Расслабляться было непозволительной роскошью.

Рациональные аргументы студента заставили Хань Цзюня замолчать. Спустя паузу он мягко спросил:

— Те твои плюшевые игрушки... Ты всё ещё разговариваешь с ними?

Лу Аньжань послушно кивнул.

Психолог ненадолго задумался.

— И всё же постарайся открыться кому-то. Нам всем нужны близкие люди. Если с этим пока сложно, попробуй завести питомца. Живое существо, способное дарить тепло и реагировать на твоё присутствие, справляется с эмоциональным выгоранием гораздо лучше неодушевлённых вещей.

Перед уходом доктор протянул ему ведомость:

— Распишись здесь. Иначе у меня за всю неделю не будет ни одного зафиксированного посещения.

Лу Аньжань вывел аккуратную подпись и сухо заметил:

— Учитель Хань, у меня складывается стойкое ощущение, что вы используете меня для улучшения своей рабочей статистики.

— Тише ты, — шутливо цыкнул тот. — Слышал фразу «знаешь, но помалкивай»? Ладно, шутки шутками, но к моим советам отнесись серьёзно.

Взглянув на застывшее лицо юноши, психолог потянулся было, чтобы по-отцовски потрепать его по макушке, но вовремя вспомнил о нелюбви Аньжана к телесным контактам и опустил руку.

— Всё, свободен. Иди.

Лу Аньжань подхватил коробку и вышел в коридор, разочарованно поджав губы. А он-то надеялся, что учитель всё-таки погладит его по голове...

Но идея довериться кому-то...

Представь он эту сцену с И Фаном, реакция друга была бы предсказуемой: «Папа Аньжань, ну ты и шутник, умора просто, ха-ха-ха!»

М-да. Вариант отпадает сразу.

Следом за И Фаном в его воображении непрошено возникла наглая и чертовски привлекательная физиономия Чэн Ци.

Аньжань тряхнул головой, прогоняя этот бред. Всё, приехали. Ему действительно пора лечиться.

Едва он миновал тяжёлые двери корпуса, как в кармане зажужжал телефон — пришло уведомление из общего чата курса.

[Чат: Курс зоологии]

[Учитель Яо: Ребята, кто-нибудь хочет забрать домой хомячка? Остался последний]

[Зайка-летайка: Это тот сонный заморыш? Я видела, он после лабораторной вообще не двигался. Заболел, наверное?]

[Тихий ветер: Ага, из группы Лу Аньжання. Слышал, он лабиринт вообще пройти не смог, тупенький какой-то попался, ха-ха-ха]

[Туманность: Ну понятно, почему его никто не берёт]

Участники беседы один за другим высказывали пренебрежение к бедному зверьку. Желающих приютить бедолагу не наблюдалось.

Перед глазами Аньжання снова встали те самые чёрные бусинки доверчивых глаз. Вспомнив слова доктора о пользе питомцев, юноша решительно развернулся и зашагал обратно к учебному корпусу.

Спустя полчаса Лу Аньжань уже шёл по аллее студгородка, удерживая в одной руке замок-лабиринт, а во второй — прозрачный бокс с хомяком. Дорогу ему преградил Мэн Хунфэй из баскетбольного клуба.

— О, привет, Ботаник Лу! — зычно крикнул парень, оглядывая его ношу. При виде лабиринта его брови взлетели вверх: — Ого, а это что за макет? Выглядит чертовски круто! Давай помогу дотащить, а то ты у нас совсем зашиваешься.

Аньжаню и впрямь было неудобно тащить всё разом, так что он с облегчением передал ему громоздкую конструкцию:

— Спасибо, выручил.

Пройдя несколько метров, Мэн Хунфэй заметил шевеление в коробке:

— Ба, да это же хомяк! Какой крошечный. Подарок кому-то выбираешь?

Лу Аньжань шёл напрямиком к общежитию, так что вопрос был резонным.

Юноша едва заметно напрягся. Только сейчас, остыв после беседы с психологом, он осознал всю глупость своего порыва. Ну как его холодный, неприступный образ уживётся в одной комнате с этим розовоносым комочком милоты?

— Да... — уклончиво пробормотал он. — Сосед попросил принести.

«Надо будет уговорить И Фана забрать его себе, — подумал Аньжань. — А я буду просто приходить и изредка на него смотреть».

У входа в корпус Аньжань забрал вещи, ещё раз поблагодарил приятеля и поднялся на свой этаж.

В комнате 302 собралась вся честная компания. Перешагнув порог, Аньжань сразу направился к И Фану, бережно протягивая ему коробку:

— И Фан, не хочешь завести питомца? У нас после лабораторной остался один лишний.

Тот мгновенно загорелся:

— О-о-о, давай сюда! Я только за!

Однако стоило ему заглянуть внутрь и разглядеть пушистого обитателя, как парень с диким воплем отскочил назад:

— Твою мать, крыса!

Нехорошее предчувствие холодным сквозняком скользнуло по спине Аньжана:

— Ты их боишься?

— Меня в детстве дикая крыса цапнула, — с несчастным видом признался И Фан. — У меня травма на всю жизнь. Издалека они ещё ничего, но ухаживать... Нет, я пас. Спроси лучше Чжао Шибо.

Чжао Шибо с трудом отодрал от себя вцепившегося мёртвой хваткой соседа и спокойно ответил:

— Я к живности равнодушен.

Лу Аньжань не ожидал, что все так дружно пойдут на попятную. Он грустно посмотрел на хомяка сквозь прозрачный пластик. Надо же, этот бедолага оказался таким же неприкаянным одиночкой, как и он сам.

Прежде чем Аньжань успел смириться с неизбежным, со своей кровати подал голос Чэн Ци:

— Дай-ка сюда, гляну.

Лу Аньжань замер. Он никак не ожидал от Чэн Ци подобного интереса и теперь всерьёз опасался очередной каверзы — воспоминания о вчерашней выходке с прессом были ещё слишком свежи.

— У моих родителей целый зоопарк, так что опыт имеется, — лениво протянул Чэн Ци, откидываясь на спинку стула. — Если сойдёмся характерами, заберу себе. Будет жить как король.

Последний аргумент мгновенно растопил сомнения Аньжана. Он подошёл ближе и, опасаясь, что Чэн Ци передумает, поспешил добавить весу своему пушистому кандидату:

— Одногогруппницы сказали, что он невероятно милый.

Чэн Ци действительно собирался поддразнить его, но, услышав этот тихий, почти умоляющий голосок, тут же задвинул все язвительные шуточки подальше. Он осторожно просунул палец в коробку, проверяя характер зверька. Хомяк послушно обнюхал палец, даже не думая проявлять агрессию.

— А сам-то ты как думаешь? — Чэн Ци поднял на него глаза.

Лу Аньжань на секунду растерялся, но, осознав суть вопроса, смущённо отвёл взгляд и едва слышно прошептал:

— Ну... мне он тоже кажется очень милым.

— Договорились. Я забираю его, — легко согласился Чэн Ци.

Проблема решилась, но расставаться со зверьком было тревожно. Аньжань обеспокоенно добавил:

— Только мне кажется, что этот хомяк приболел. Сможешь отвезти его к ветеринару на

осмотр?

Любой другой на месте Чэн Ци отмахнулся бы от глупых трат на копеечного грызуна, но за Чэн Ци Аньжань был спокоен. У того водились деньги. Собственно, финансовая состоятельность соседа и стала главным аргументом в пользу этого решения.

— Приболел? — Чэн Ци скептически прищурился, разглядывая бокс. — Да вроде бодрый.

Лу Аньжань удивлённо моргнул и тоже заглянул в коробку. Действительно, хомяк вовсю обследовал новые владения, деловито шурша опилками.

— Странно... — нахмурился Аньжань. — Во время опытов все остальные носились как угорелые, а этот бедняга просто лежал пластом. И лабиринт он единственный завалил. Совсем глупенький.

— Что ещё за лабиринт? — уточнив Чэн Ци.

— Для лабораторной по поведению животных. Мы сами должны были его сконструировать.

— Покажи.

— Да вот же он, — Аньжань развернулся и выдвинул из-под кровати своё творение на середину комнаты.

Чэн Ци уставился на монументальную трёхэтажную виллу с винтовыми спусками и запутанными переходами. В комнате повисла тяжёлая тишина.

Чэн Ци осторожно достал хомяка и опустил его у входа в этот архитектурный шедевр. Стоило лапкам грызуна коснуться знакомого пластика, как зверёк мгновенно повалился на спину, раскинув лапы, и замер, изображая труп.

Лу Аньжань лишился дара речи.

Чэн Ци не выдержал и громко рассмеялся:

— Слушай, Аньжань... Тебе не приходило в голову, что ты его просто до смерти загонял в этом своём мегаполисе?